

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Она стояло в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки. Рейсовый автобус сломался на середине пути и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Она шла и боялась обернуться. Так и вошла она в темное село, нужный дом спросила у стоявшей у колонки женщины:

— Это вам к Елизавете Дымовой,— опустила оцинкованное ведро закутанная в теплый платок селянка,— вот тот дом, из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонек за красной занавеской. Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, кирпичный, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен желтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить. Старушка Елизавета встретила Аню приветливо, быстро оценив, что новая библиотечка сильно продрогла.

— Автобус сломался,— виновато сказала Аня,— я полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

— У нас такое бывает,— кивнула пенсионерка,— ты полезай-ка на печь, задницу греть, а я щи тебе разогрею.

Аня молча и с благодарностью влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабушка Елизавета разогрела щи на электрической плите.

Она подала Ане щи прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезав несколько пластиков сала и черного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете. В это время бабушка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене, в деревянной рамочке, висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная, с человеком в военной гимнастерке:

— Вот я с Петром Федоровичем тридцать лет прожила, умер десять лет назад от воспаления легких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так как теперь у вас принято, в строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

— Как это так, шестерых детей сделали и не поцеловались?

— А что я,— хитро улыбнулась бабушка Елизавета,— спать лягу, он сзади пристроиться и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались, без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные дни были похожи один на другой. В натопленном большой металлической печью зале стоял резкий запах типографской краски, книг, газет, журналов. Молодая библиотекариша Аня откровенно скучала целыми днями, дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она перечитывала, вызывали теперь раздражение и равнодушие. Она часами смотрела на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки. Читателей не было. Изредка в библиотеке появлялся кто-то из школьников. Она до сих пор помнит своего первого читателя — смышленного белобрысого подростка, как его почему-то боялась и непонятно почему рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он принес книжку через день, разочарованно признавшись, «как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путая названия и авторов, не зная, что им вообще нужно. Или просили книжку про войну или приключенческую. Школьная программа ее все более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздись». Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого зритель принял за генерала? Употребил классик неуклюжее сравнение «Мохнатый седачок»? Один из юных читателей и вовсе рассмешил, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновенье...» Иногда Аня делала обход по домам должников, книги возвращали в потрепанном виде, были и с коричневыми следами от тарелки с супом. Библиотекариша только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книги больше не даст, однако покорно выдавала нужную литературу проштрафившимся читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище, так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!»,— невольно осенила ее лукавая мысль, она хорошо помнила, как пару дней назад в библиотеку наведальсь районное начальство и требовало увеличить количество читателей, грозили урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

— Что я сделаю, если нет читателей,— робко оправдывалась Аня,— кто на селе книги читает, кроме школьников?

— Вы плохо работаете,— с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дубленке,— ищите индивидуальный подход к сельскому труженику. Объясните трактористу или доярке, что книга — источник знаний.

Библиотекарша слушала и покорно молчала, другой работы все равно не было. Но выход из положения она нашла и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. В начале она боялась, что обман может вскрыться, но отчеты проходили нужные инстанции и на них никто не обращал внимание. Есть новые читатели и есть. Иногда она, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

— Ну, что Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проволочных венков глухо отвечает:

— Да разве можно это читать?

Однажды, к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке, Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь, и раздалась шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

— Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но перед ней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалась, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала? Более того, на полу остались большие мокрые следы. Аня не испугалась. Она стала ждать, что будет дальше. Но ничего больше в этот день не происходило. От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести черной авторучкой на салатовой клеенчатой обложке общей тетради название: «Село и люди».

— Какие люди? Какое село? — вслух невольно произнесла она,— мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодежь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный парень. Он возил в село баллоны с газом. Алексей был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе, работает газовиком, зарплата для села большая, и служебным грузовиком он пользовался, как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней в лес, на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрав у него пластиковую карточку, на которую начисляли зарплату. Он как-то пригласил Аню в местном клубе на танец, неуклюже обнимал, а после они смотрели польский фильм в этом же клубе, где, как ей показалось, Алексей смеялся в ненужных местах. Аня отчужденно смотрела на его профиль в темноте зала и думала, зачем у него на таком большом лице такой маленький нос? От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем больше у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило ее. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат», — невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея, ее поразила властная мать, жидкая, темная похлебка с грибами, которую молча, как по команде, ели за столом. Полина расспрашивала Аню о родственниках, учебе в педучилище. А после высокомерно глядя на библиотекарку сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Алексей отвел глаза и промолчал. Больше они не встретились.

В этот день Аня пришла в библиотеку за полчаса до ее открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы, житье на квартире у старухи становилось невмоготу. Бабка постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани

стали исчезать ее продукты, мелкие деньги. Ранний час библиотеки был пустым и душным от печного отопления. Она с оторопью увидела, как к ее столу подошел мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у мужчины было землистого цвета с тонкими синими губами.

— Я Вам, наконец, книгу принес, три года назад брал почитать Островского, да и забыл о ней. Вчера случайно в серванте нашел.

— Вы у меня ничего не брали,— пролепетала Аня странному абоненту,— Вам не холодно из дома было в костюме идти?

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и вышел на улицу, унося с собой потрепанную книгу. Аня только обратила внимание на его неестественно прямую спину со следами больших черных ниток и мокрой земли на костюме, необычную шаркающую походку. Буквально через минуту раздался телефонный звонок. Районный начальник перешел к делу без ненужных вступлений:

— Как Вы посмели покойников в библиотеку записывать? — услышала она истеричный голос в трубке,— как до такой мерзости додумались? Вас впору под суд отдать!

— А что мне делать,— севшим голосом пролепетала библиотечарша,— Вы читателей требуете, а их нет...

— Приезжайте в район, пишите заявление об уходе, я как-нибудь утрясу скандал. Один из бывших жителей села увидел в Ваших отчетах своего давно умершего родственника и еще нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещая новую жизнь.

МИША-ПИСТОЛЕТИК

Миша-пистолетик, будь он знаменит, давно бы посрамил книгу рекордов Гиннеса. Ибо вопреки известным постулатам медицины, выпивал он последние лет двадцать по пять бутылок водки в день. Причем, за очередной бутылкой ездил в сельский магазин на велосипеде и с двухколесного коня никогда не падал. Жил Миша-пистолетик всю жизнь в примаках в избе у тещи. Он, теща Маня и жена Шураня. Пил и жил вольготно, теща была пенсионеркой областного значения, отработала на ферме, хотите верьте, а хотите нет — 60 лет. С 15 лет до 75. Пенсия у орденосной тещи была даже по городским меркам огромная — 35 тысяч. Вот и лил Миша-пистолетик водку в луженую глотку, закусывая первоклассной бужениной. Женщинам мяса не давал, все съедал сам и приговаривал:

— У вас все равно, поганки, зубов нет.

А прозвали его Мишей-пистолетиком потому, что пугал он домочадцев в пьяном виде самодельным пистолетом, вроде пугача.

В такие опасные минуты теща Маня и жена Шураня тихо сидели на диване, а Миша-пистолетик, не выпуская пугача из рук, злобно наступал кошке на хвост. Жена толкала локтем тещу и та многозначительно издавала звук:

— Мяу!

А следом за тещей мяукала и жена. Любил Миша-пистолетик только своего пегуха. Выйдет на крыльцо, и кричит:

— Петя, Петя, ко-ко-ко...

И кормил любимца кошачьим кормом.

К мясу у Миши-пистолетика было очень трогательное отношение.

Ел он мясо всю жизнь от пуза. Жена и теща держали всегда всегда скотины. Позвал он как-то сестру Лиду в гости. Не хотела она идти, да брат настоял:

— Пойдем, Лида, я тебе мясо покажу.

Зашла сестра в веранду, а там туша теленка и свиная туша лежат. Показывает Миша-пистолетик сестре на туши и кричит радостно:

— Гляди, Лида, сколько у нас мяса!

А тут жена Шураня в веранду с красными заплаканными глазами врывается и тоже кричит:

— Ты что, опоек, чужим мясом распорядишься, ты растил это мясо!

Тут уж сестра Лида перепугалась:

— Шура, да не нужно мне вашего мяса, у меня же муж на мясокомбинате работает, что мы — мяса не видели?

Конечно, пыталась Шураня алкоголизм мужа укоротить. Да что поделаешь? Коли на бутылку супругу не даст — Миша-пистолетик берет веревку и идет в баню вешаться. Однажды и в лес вешаться пошел, да веревку потерял. Даже спать с веревкой на шее ложился. А как такое допустить? В деревне злые языки обязательно скажут, дескать, что это за жена, если муж в доме повесился?

Вот и приходится ей в день несколько раз мужу на бутылку давать. Подойдет к ней муж, ущипнет за заднее место и кашляет в кулачек, а она ему денежку в ответ дает и только со слезами приговаривает:

— Когда же ты обопьешься, Юрьевский мерин!

Всю жизнь Миша-пистолетик от Шураня по бабам ходил. Но самая трогательная любовная история произошла на закате его мужской жизни, можно сказать, посетила его поздняя любовь. Набирает сестра Лида воду на колонке, а мимо Шураня на велосипеде проезжает, останавливается и говорит сквозь слезы:

— Лида, Миша пропал!

— Да как это пропал?

— Пошел в районную больницу шишечку на плече лечить и не вернулся.

— Да придет, куда он денется,— успокаивает ее Лида,— где-нибудь пьет.

— Нет его уже второй день, пойдем Мишу искать.

Райцентр был всего в полутора километрах от деревни, но Лида искать брата откачалась, была уверена, что Миша заночевал у собутыльников. А на третий день брат сам к сестре пожаловал и говорит:

— Лида, только никому не говори, я влюбился.

— Да ты что, тебя Шураня ищет.

— Пришел я на прием к врачу с шишечкой, народу в коридоре много, полно мужиков, а вот пришла женщина с палочкой и почему-то подседа ко мне. Я-то хорошо одет был, жена накануне новую замшевую куртку купила. Посидели, помолчали и она спрашивает:

— Вы местный? Что-то я Вас раньше не встречала.

— А вы?

— Я из-под Питера приехала, я актриса и сейчас пою в Доме Культуры.

— А вы не бывший военный?

— Я бывший офицер,— соврал Миша-пистолетик.

— А вы с чем? — допытывается новая знакомая.

— У меня шишечка на плече вскочила,— пожаловался Миша-пистолетик.

— А у меня на ноге.

— А вы с кем живете? — спрашивает женщина.

— Да с тещей поганкой и женой негодяйкой,— сетует Миша-пистолетик.

— И вы так живете?

— Да,— кивает головой Миша-пистолетик,— хотя я самый богатый в деревне человек, всю деревню могу купить, наследство в Питере получил — двухкомнатную квартиру, недавно ее продали.

— А меня зовут Надежда Сергеевна,— заулыбалась женщина,— так зачем вы мучаетесь, бросайте их и приходите ко мне жить, я живу в квартире, и без мужчины-помощника одной тяжело.

Когда в больнице процедуры закончились, они пошли под ручку на квартиру к актрисе, можно сказать, вместе свои шишечки лечить.

— Лида,— продолжал свой рассказ брат,— дверь она открыла, гляжу — на полу ковер, Лида, представляешь, туалет в квартире, я даже заблудился в ее хоромах.

Выпили они, закусили и сказала актриса: — Я вас никуда не отпущу, будем вместе жить, подавайте на развод.

Насчет богатого наследства Миша-пистолетик Надежде Сергеевне не соврал. Только получил его не он, а жена Шураня. Ушел Миша-пистолетик от сестры, в дом к жене и теще зашел и с порога заявил:

— Дайте мне, поганки, денег, я встретил женщину, она такая душистая, а вы обе навозом пахнете. Она даже утром и вечером меня дезодорантом обрабатывает.

Испугалась Шураня, скорее мужа посадила за стол. Съел он две миски крошки из сыворотки с бужениной, две сардельки, выпил бутылку водки и опять за свое:

— Ухожу от вас, поганки.

Так он ходил между двумя домами несколько дней, пока не получил Миша-пистолетик пенсию и не отдал ее актрисе. Повела его Надежда Сергеевна к юристу, совет брать, как развестись. Но тут выяснилось, что у Миши — пистолетика за душой ничего нет, и выпроводила его актриса, восвояси.

Но с тех пор Миша-пистолетик в образ бывшего офицера прочно вошел. В любой праздник форму шурина — прапорщика надевает, тещины ордена и медали на грудь вешает и давай женой и тещей командовать, и, как обычно, страшать пугачем:

— Я сказал, поганки, я командир и офицер! Теща, шаг влево, шаг вправо — расстреляю!

— Миша, да ведь это мои медали,— боязливо возражает теща.

— Молчи, мама,— уже защищает мужа Шураня,— пусть переберется, может уснет побыстрей.

И права Шураня, ведь уже не раз Миша-пистолетик тещу на простыне через штатетник на улицу выбрасывал. Вызовет милицию Шураня, заберут мужа в вытрезвитель, а утром идет понуро в отделение за буйного супруга законный штраф платить.

Начальник вытрезвителя штраф примет и только пальцем у виска покрутит:

— Вас всех троих пора в сумасшедший дом отправлять.

Только вышел Миша-пистолетик из вытрезвителя и снова в чары любви попал. Вновь приходит он к сестре и говорит:

— Лида, я тебе такую историю расскажу. Повела меня Шураня из вытрезвителя на прием к окулисту, очки наконец-то выписать, а врач в меня влюбилась. Завела она меня в кабинет, свет выключила, навела лампу на глаза и приказала смотреть ей прямо в глаза. И сама мне смотрит в глаза. Тут меня и осенило — она в меня влюбилась.

— Миша, что ты, у окулиста так зрение проверяют,— возражает ему сестра.

— Да что ты, Лида, точно влюбилась!

Историю эту услышал его брат Коляня, большой шутник и тоже любитель выпить. Заходит он к Шуране и говорит:

— Передай брату, что его окулист на прием вызывает.

Это он так хотел Мишу на выпивку из дома выманить. А Миша-пистолетик, все

слышал, но не сообразил, зачем брат пришел, и огородами побежал в райцентр на прием к окулисту.

Возвращается очень расстроенный, к сестре заходит:

— Лида, не пойму я этого врача: вроде, Коля приходил и сказал Шуране, что она меня вызывает, вроде, влюбилась она в меня, а пришел на прием — из кабинета выгнала.

Промолчала сестра, знала она, что это Колянины проделки. На какие только выходы Коляня не шел, чтобы на выпивку денег добыть. Пришел в местную «Сельхозтехнику» к директору, где раньше Миша-пистолетик шофером работал, и говорит:

— Брат Миша умер, дайте деньги на похороны.

Собрали, сколько смогли, и Коляне вручили. Весть быстро по райцентру разнеслась. Стоит Шураня в очереди в магазине у винного прилавка — муж без водки и домой не пустит, а к ней знакомая с печальным видом прислоняется:

— Соболезную, Александра Ивановна, муж у Вас умер.

Испугалась Шураня, зарыдала:

— Как же так, я ведь утром уходила, Мишаня живой был, веселый, на гармошке играл.

Плохо стало Шуране, уж побежали скорую вызывать, да тут другая знакомая в магазин заходит, услышала разговор и кричит с порога:

— Что за чушь, да жив твой Миша, сейчас у пивного киоска с мужиками стоит, минуту назад его видела!

А брата Коляню за проделку милиция оштрафовала и деньги «похоронные» заставила в организацию вернуть до копейки. Только к мужнину брату Шураня претензий не предъявила. А все потому, что один раз решила Шураня мужу изменить, можно сказать, отомстить. Стал ее последнее время домовой одолевать. Пойдет на двор корову доить, только за вымя буренки потянет, а уж домовой ее сам рыжими руками облапает и давай сиськи мять. Какие уж тут удои? Одни убытки от такой напасти. Теща Маня на картах дочке гадала и все время бубновый король выпадал. Тут и догадалась теща Маня, всю правду карты открыли, и говорит дочке:

— Это не к добру, тебя в облике домового Мишанин брат домогает.

Купила Шураня четыре бутылки портвейна «три топора» и пошла к Коляне. Для храбрости еще по дороге вино выпила, оно и понятно, ведь любимому мужу никогда не изменяла, стало быть, большие нравственные муки испытывала. Так с недопитой бутылкой до сарая с сеном добралась. Как доползла — не помнит.

Рано утром проснулась обнаженной на свежескошенном сене, вокруг выпитые бутылки валялись. Пришел утром Коляня в сарай молодому бычку сена зацепить, да граблями голую Шураню и вытащил. Домой пришла Шураня, тут и почувствовала, что зубной протез потеряла.

Возвращается к Коляне и шамкает:

— Отдай, Коляня, мои зубы.

— Да на фиг мне твои зубы нужны,— возмутился Коляня,— где потеряла, там и ищи.

— На сеновале они у тебя, я больше нигде не была. Почесал затылок Коляня и говорит:

— Дашь сто рублей, может твои зубы и найду.— И ведь нашел за сто рублей, все сено в сарае перевернул, а зубной протез нашел!

А к своим похоронам Миша-пистолетик с большим юмором отнесся. Любит эту историю теще и жене вспоминать. Дескать, хорошая это примета — живого похоронить.

МАМКА ДА НЮНЬКА

Был в деревне мужик, который всю жизнь собственного мнения не имел, и принимать решения самостоятельно боялся. Звали его Миша Кудрявцев. Что бы у него ни спросили, помощи какой, например, прибежит сосед топор попросить, а Миша всегда отвечает:

— Да я не против, спрошу только, как мамка да Нюнька.

Нюнька — жена Миши, тетка Нюра Балда. Работала она на ферме дояркой, рыжая, конопатая. Характера очень мягкого, покладистого нрава была и мать Миши бабка Катя. Почему же Миша так их слушался, никто понять не мог. Работал Миша продавцом в магазине, размещенном в бывшей часовне. Так и стоял сельмаг с куполом и крестом. Торговали бочковой селедкой, керосином, маргарином, папиросами, вином и водкой. Хлебом и крупами в послевоенное время еще не торговали, хлеб бабы пекли сами. Денег тоже не было, бабы копили яйца и меняли их на другие продукты. За десяток яиц могли дать две селедки. За двадцать яиц давали бутылку водки. Еще в магазине у Миши была соль. Ее привозили рассыпной на телеге и грузили лопатой в угол магазина. Часто подвыпившие мужики справляли малую нужду прямо в эту соль. Увидит баба, как муж в соль журчит, и стыдит:

— Да что ты, Егор, делаешь?

— Молчи, она все равно соленая.

А продавец Миша Кудрявцев на такие мелочи жизни вообще внимания не обращал. Другой соли в деревне все равно не было.

Придет баба домой, спохватится, что керосина в лампе нет, а магазин давно закрыт. Идет она к Мишиной избе и просит:

— Миша, открой магазин, керосина в доме нет, не хотим в потемках сидеть.

— Да я не против, — тихо отвечает Миша, — спрошу только, как мамка да Нюнька.

А потом Миша работу продавца потерял и еще прозвище получил — Копченый. Решил он проверить, сколько керосина в бочке осталось. Зажег спичку и в дырочку заглянул. Рвануло так, что Миша чудом спасся, сильно обгорел. В снегу горящий Миша катался и в райцентр на два месяца в больницу угодил. Мишу спасли, но лицо на всю жизнь коричневым осталось, будто прокопченым.

Пошел Миша в пастухи. А тут в колхозах зарплату платить стали и пастухи в почет вошли. Купил Миша себе мотоцикл «Ковровец», стал в райцентр за покупками ездить. Просят бабы:

— Привези, Миша, баранки, пряники, соды.

— Да я не против, — смущается Миша, — спрошу только, как мамка да Нюнька.

Однако баранки привозил. Заказов было много, баранки висели у Миши на шею огромными связками. Пылит по проселку Миша на мотоцикле, весь увешан баранками. Только ругается, дескать, чуть шею баранками не сломал. А если мотоцикл не заводился, вокруг собиралась ребятня посмотреть, как Миша с техникой обращается. Миша в порыве гнева хватал кол и бежал к мотоциклу. А из дома выбегали мамка и жена Мишу уговаривать:

— Да не бей ты мотоцикл, Миша!

— Ладно, мамка да Нюнька.

Ходит задумчиво Миша вокруг мотоцикла:

— Мамка да Нюнька, можно я педали почищу?

— Да почисти, Миша.

Но один раз в жизни Миша мамку и Нюньку послушался. Поехал в соседнюю деревню пиво варить, пивовар он был отменный. Уже смеркалось, и Миша на мотоцикле упал с моста в реку, прямо в глубокий Леший омут. Вот как бывает, если мамку да Нюньку мужику не слушать.

Новогоднее настроение у Дмитрия Ивановича было безнадежно испорчено. Утром 31 января он вышел из избы на двор и, стоя на мостках, дыша крепким морозным воздухом, увидел, что вся выгородка, в которой находились семнадцать кур и петух, завалена тушками мертвых птиц. Дмитрий Иванович сразу понял, что на его дворе ночью разбойничал хорек. Он неожиданно равнодушно смотрел на разбросанные, испачканные кровью перья среди соломы и комков глины. Дмитрий Иванович нервно закурил, расстегнул воротник телогрейки, но сделав всего пару затяжек, смачно плюнул на ладонь, погасил папиросу, отправив ее обратно в пачку, и не спеша вернулся в избу. Жене Любе он ничего не сказал. Она пекла пироги, тушила мясо, резала овощи для салата «Оливье», словом готовила Новогодний стол. На праздник из города приехала дочь с внучкой, но они еще спали на теплой русской печке. В комнате, как показалось Дмитрию Ивановичу, стояла какая-то обвинительная тишина, жена Люба сустилась, не обращая на него внимание.

Пенсия у него была маленькая — едва на еду хватало. Потому куры были хорошим подспорьем, десяток яиц он приносил жене практически каждое утро. Каждую весну они закупали по сорок цыплят, подросших петушков рубили, как рубили плохо несущихся кур. Суп из домашней курицы разве с птицей их магазина сравнишь! Бульон прозрачный, золотистый, мясо сладкое! Молодых петушков и надо было рубить. Старый петух им все равно жизни не давал. Дмитрий Иванович как-то раз выпивал у сарая с племянником Вовкой принесенный самогон. На их глазах молодой петушок резво запрыгнул на курочку, но тут же был с позором согнан внимательным старым петухом.

— Гляди, дядя Митя, натурально прямо с бабы снял, вот запахло! — гоготал племянник, опорожнив граненую стопку с мутной жидкостью, и захрустел огурцом.

Деревенская кличка у Вовки была «Мухомор». Дмитрий Иванович тоже засмеялся, но не над неудачной попыткой молодого петуха потоптать курочку, а над племянником. Вечно красное, с белыми пятнами, лицо Вовки, действительно, напоминало шляпку мухомора.

Днем пропажу кур обнаружила жена Люба, она сразу все поняла:

— Хорь?

— Он самый, — утвердительно кивнул головой Дмитрий Иванович.

— Что делать будем, старый?

— Ловить, — пожал плечами муж, хотя и не знал, удастся ли поймать пронырливого зверька.

Хозяйство у Дмитрия Ивановича было самое обыкновенное: потемневшая бревенчатая изба в три окна, построенная еще его родителями. Она была покрыта поверх старой дранки волнистым, замшелым шифером. Двор с житницей давно просели. В доме была беленая печь, стоял старый буфет, трехстворчатый платяной шкаф, пара железных, кованых деревенскими кузнецами кроватей, и скрипучий диван с неудобно выпирающими пружинами, дубовый, обитый клеенкой стол, советский цветной телевизор «Садко», завешанный пыльной салфеткой, но исправно работавший уже двадцать два года, засиженное мухами зеркало в темной деревянной раме, набор чешской хрустальной посуды, которую когда-то привезла в подарок дочь, побывав от профсоюза на курорте в Карловых Варах. На чешских хрустальных пузатых бокалах были почему-то русскими буквами вырезаны надписи «виски», «водка». Видимо, в те времена русские туристы были основными покупателями чешских хрустальных изделий. Дмитрий Ильич долго копался в кладовке, пока не нашел два старых капкана. Капканы чуть проржавели, но строжки исправно работали, остались чувствительны-

ми. Капканы он выварил в чугушке, в еловой хвое. Легко обнаружив на дворе звериный подкорм, поставил ловушки рядом с ним, предварительно вымазав капканы свежим навозом, чтобы напрочь отбить человеческий запах. В капканы он положил тушки убитых кур.

Удивительно, но обнаглевший хорек попался в капкан уже на следующую ночь. Во двор утром он вышел по малой нужде, но уже с мостков, в солнечном проеме, идущем от меленького оконца, увидел большого, размером со среднего кота, хорька — он блестел и переливался на солнце черным мехом, как норка! Хорька зажало в капкан поперек тела. Дмитрий Иванович понял, что зверек еще жив — его пасть розовая постоянно двигалась в безысходном оскале. Дмитрий Иванович, не веря такой удаче, деловито двинулся к животному и смело наступил на хорька литой калошей, пытаясь задушить хищника. Его удивило, когда калоша буквально расплющила животное, но его сердце яростно прыгало вокруг всей резиновой подошвы, словно самостоятельно боролось за жизнь и пыталось вырваться наружу.

— Какой живучий, — вслух поразился Дмитрий Иванович, но хорек умер под его подошвой также внезапно, как и боролся за жизнь. Он вынул хорька из капкана, сдернул с гвоздя сырмятный ремень и, выйдя со двора, деловито повесил животное за шею на бельевой перекладине напротив кухонного окна.

Когда он вернулся в избу, оказалось, что жена Люба уже все видела:

— Зачем ты, старый, эту гадину на сырмятине у меня под окном повесил? Какое в этом удовольствие?

Дмитрий Иванович только самодовольно хмыкнул в ответ и полез в буфет, где стояла четверть с первачом:

— Имею права, — гордо сказал он, тяжело опустившись с банкой на стул.

— Заслужил, — смягчилась Люба и стала накладывать мужу на закуску квашеную капусту.

Хорек болтался на сырмятине под окном неделю, покрылся инеем. Соседи приходили посмотреть на добычу Дмитрия Ивановича, одобрительно кивали головами, дескать, как ловко старик поймал куриного убийцу. Но победа над хорьком вскоре Дмитрию Ивановичу надоела и он выбросил зверька в помойную кучу.

Однако после этого происшествия жизнь старика перестала ладиться. Обострилась катаракта, и Дмитрий Иванович ощутил, что теряет зрение каждый день. Деньги на операцию он планировал накопить, лечь в областную больницу и оперировать хотя бы один глаз, а через некоторое время второй. Но деньги с нищенской пенсии никак не удавалось отложить. Он съездил в областной центр, но в больнице ему недвусмысленно дали понять, что лечить будут только платно. Грустный Дмитрий Иванович вернулся из большого города. Все пошло наперекосяк. Ближе к весне талая вода залила подпол, хотя такого за всю его долгую жизнь раньше не было. Возможно, от подтопления покосилась изба, просел двор, треснула печка и расшаталось крыльцо. Старик латал все полуслепыми глазами и тихо ругался про себя: «Прямо напасть какая!»

Несколько раз он бросал в сердцах своей жене:

— Если не сделаю операцию, ослепну, то повешусь сам на сырмятине, буду висеть под окном не хуже хорька!

Люба на эти жесткие слова только тихо перекрестилась, помочь мужу она ничем не могла, ее пенсия была еще меньше, чем у мужа.

Ночью была сильная буря, упала от ветра старая рябина, разбив окно. Дмитрий Иванович с трудом вставил новое стекло, он чувствовал себя неважно, ощущая в голове странную пустоту. Ему привиделось, будто он лежит на неудобном диване; рука его свесилась до холодного пола, и его беспомощные пальцы грызет наглый хорек.

Старик чмокнул губами и очнулся. Он лежал у незакрытого окна, а на улице светало. С дворов неслась петушиная перекличка. У колодца звенели ведра, принимая студеною воду; глухо гремела колодезная цепь, и отрывисто взвизгивал несмазанный ворот. Но в этот тяжелый день Дмитрию Ильичу неожиданно принес на операцию деньги племянник. Вовка устроился на работу вахтовым методом от районной дорожной конторы на строительство федеральной трассы в далеком южном городе. Работали дорожники с утра до ночи целый месяц, месяц отдыхали дома. Вовка привез сумасшедшие по деревенским меркам деньги — 70 тысяч рублей. О дороге на юг он рассказывал старику смачно:

— Дядя Митя, тридцать восемь часов автобус ехал, не знаю, как вылез из него, жопа стала натурально квадратная!

— Когда тебе деньги отдать нужно будет? — перебил племянника Дмитрий Иванович, и, тяжело вздохнув, добавил, — я не знаю, как тебе их соберу...

— Забудь, дядя Митя, — махнул рукой Вовка, — тебе главное — зрение вернуть, с кем я еще на рыбалку поеду?

Племянник широким жестом вытер со лба пот и враскачку вышел за калитку.

Пребывание в больнице заняло три дня, а сама операция не больше двадцати минут. Дмитрию Ивановичу было удивительно, что все прошло без боли, необычными были ощущения, когда врач расковыривает тебе собственный хрусталик. Удивительно, но зрение вернулось уже на следующий день, причем, видел мир вокруг себя Дмитрий Иванович словно младенец.

Приехав домой, старик долго сидел у окна и с удивлением смотрел в холмистую даль. Так далеко и ясно он давно уже не видел. Скользнул его взгляд и на сыромятину, на которой висел убитый хорь. Дмитрий Иванович, вспомнив о зверьке и о том, что сам хотел свести счеты с жизнью из-за зрения, только ухмыльнулся. Мир казался ему открытым, свежим, ясным и простым.

